

Гусейнова Улькер Эльмар

Институт языкознания имени Насими Национальной академии наук Азербайджана

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕРЕВОДА «ШУХАДАНАМЕ» НИШАТИ

Переклад «Шухаданаме», як лексичний пам'ятник, займає особливе місце в збагаченні азербайджанського літературної мови. Вивчення його лінгвістичних особливостей важливо при аналізі історії розвитку азербайджанського літературної мови на кожному певному етапі. Перекладач Мухаммед ібн Хусейн Катиб Нішат, знайомий з усіма тонкощами азербайджанської мови і його засобами вираження, використовував класичні форми виразності мови, а також слова і вирази звичайної мови, різні словосполучення, морфологічні та синтаксичні особливості, щоб зробити переклад більш досконалим. Мова рукопису містить як особливості древнетюркських мов, так і особливості азербайджанського розмовної мови. Їх вивчення має велике значення не тільки для історії азербайджанської мови, а й для створення порівняльно-історичної граматики тюркських мов. У лексиконі перекладу визначаються цікаві аспекти розвитку словникового запасу азербайджанської мови. Ряд слів, використаних в цьому пам'ятнику першої половини XVI століття, зазнали фонетичні або семантичні зміни в термінах сучасної мови, або були збережені в діалектах і говірках. Деякі з них повністю застаріли. У зв'язку з цим рукопис також допомагає розкрити деякі аспекти розвитку словникового запасу нашої мови. Словом, вивчення фонетичних, граматичних і лексичних особливостей «Шухаданаме» має велике значення для вивчення історії азербайджанської мови.

Ключові слова: перекладацька література XVI століття, Нішат, «Шухаданаме», лексичні особливості.

Введение. В современном литературном языке перевод означает перевод слова, предложение или текста, речи, с одного языка на другой. Вместе с тем в средние века сущность перевода состояла в несколько ином и имела более широкое значение, чем сегодняшняя интерпретация. Существовали разные типы переводов. Среди них так называемый свободный перевод получил более широкое распространение, а работа переводчиков по своей значимости была приравнена к труду авторов произведения. Дело в том, что поэт или писатель, который обычно выполнял эту работу, переводя произведение, передавал не только общее содержание некоторых частей, но и расширял его по мере своего восприятия, и добавляя свои собственные чувства и мысли. В результате появлялись независимые и оригинальные версии двух работ на одну и ту же тему, принадлежащих разным языкам и соответствующих их стилю и характеру выразительности. Преимуществом свободного и творческого перевода было то, что текст не переводился дословно, а смысл несколько изменялся в том или ином направлении. Известно, что не всегда возможно найти эквивалент какой-либо лексической единицы у любых двух языков, переводчик вынужден использовать слово

из текста в перевод. Вместе с тем при свободном переводе переводчик не сталкивается с этим ограничением и может максимально использовать возможности родного языка.

Известно, что переводы на азербайджанский и турецкий языки осуществлялись издавна, переводился Коран, в средние века переводились такие произведения, как «Сиратун-Наби» и «Футухуш-Шам» Мустафы Зари, «Гульшани-раз» Ширази, «Асрарнаме» Табризи, «Моджузнаме» Магсуди, «Кавамилут-табири» Бавазиджи, «Хадиси-арбеини» Хазини, «Хадиси-арбеини», «Хадикатуссуада» Физули, «Шухаданаме» Нишати, «Тезкире шейха Сафи», «Манакиби-шейх Сафи» (переводчик неизвестен), «Харидатул-Аджаиб» Махмуда Ширвани, «Маснави» Садиг бека Афшара, «Лисанут-тейр» Мохсена Насири, в основном это переводы с персидского. Среди них следует особо отметить имя Мухаммеда ибн Хусейна Катиба Нишати, автора двух переведенных памятников, поскольку его «Комментарий (тезкире) шейха Сафи» является крупнейшим произведением азербайджанской переводческой литературы [10, с. 9]. Исследователи неоднократно отмечали простоту языка, его близость к народному языку и преобладание лексических единиц национального

происхождения. Акад. Мохсун Нагисойлу писал о «Шухедаме», что «поскольку произведение предназначено для широкой публики, большая часть его словарного запаса состоит из слов азербайджанского и общетюркского происхождения» [11, с. 61].

Степень исследованности проблемы. Подавляющее большинство слов, использованных в «Комментариях Шейха Сафи», относятся к азербайджанскому языку. «Поскольку «Комментарии» написаны на общенародном языке, большинство приведенных здесь выражений используются и в современном языке» [13, с. 201]. Отметим также, что по сравнению с «Комментариями шейха Сафи» научные исследования по изучению языка «Шухаданаме» более многочисленны. Так, в Азербайджане Самат Ализаде написал о морфологических особенностях «Шухаданаме» в своей кандидатской диссертации «Имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения) в «Шухаданаме», акад. Мохсун Нагисойлу в своей кандидатской диссертации «Азербайджанская переводческая работа XVI века «Шухаданаме» (вопросы палеографии, орфографии и перевода)», помимо вопроса сравнения оригинала, рассмотрел ряд фонетических, лексических и грамматических особенностей переведенного памятника. Мадат Мамедов в своей диссертации «Словарный запас «Шухаданаме» изучал проблему с лексической точки зрения.

Лингвистические особенности произведений, написанных в XVI веке, отражают в себе не только языковые особенности периода, в который они были написаны, но и гораздо более раннего периода. Привлечение языка Нишати к лингвистическому анализу позволяет нам изучать особенности языка не только до XVI века, но и после него. С этой точки зрения лингвистические особенности «Шухаданаме» можно сгруппировать определенным образом, что и стало предметом исследования данной статьи.

Фонетические особенности. Одним из главных нюансов, привлекающих внимание в работах Нишати, является то, что одно и то же слово дается в разных вариантах написания. М. Нагисойлу, рассмотревший графические и орфографические особенности «Шухаданаме», отметил графическую нестабильность в работе и пришел к выводу о том, что «... Нишати писал одни и те же слова в разных графических вариантах на разных тюркских языках, а также на разных диалектах азербайджанского языка, это было мотивировано намерением показать разницу в произ-

ношении одних и тех же слов в разных наречиях и языках» [9, с. 38].

В языке перевода Нишати, наряду с уникальной техникой письма автора, также заметны специфические языковые особенности того периода, к которому он принадлежит в целом. Звук «sağır pın» (сагыр пун), который используется в письменных памятниках азербайджанского языка и сохранился в современных диалектах, присутствует в середине и в конце слова. Несмотря на наличие различных вариантов письменных изображений, этот звук в основном стабилизируется в виде буквенной комбинации *کن*. Звук «sağır pın», или звук, который М. Кашгари называл *غن* (gonne), не существовал в классическом персидском языке, он не существует и в современном персидском языке [16, с. 95]. Нишати в своем переводе, сделанного с персидского языка, в соответствии с традициями, заложенными еще в эпосе «Китаби-Деде Горгуд», широко использовал эту схему: «Başını dizi üstə qoyub yeñi ilən tozi anun yüzündən arıdırir idi» (Он, положа голову на колени, удалил рукавом пыль с лица ее» [12, с. 232a], «Yusef istər idi ke, atasınıñ əyağını örrə» (Юсеф хотел поцеловать ноги отца своего) [12, с. 26a]. Наряду со словами тюркского происхождения, частицу *کن* можно также увидеть в суффиксах, добавленных к производным словам: «Əgər əmrün olsa, hökm edəyim ta ol qədər yağış bulutlar yağdılar» (Если повелишь, то я заставлю все эти облака излиться дождем) [12, с. 16a]. Автор посчитал необходимым применять такой стиль выражения при переводе, не забывая при этом интонацию родного языка и демонстрируя преданность к нему.

Кроме того, есть следы фонетических событий, таких, как добавление некоторых гласных или согласных в начале слова (протеза) и сокращение (элизия), а также смещение согласных звуков (метатеза). Письменные памятники, созданные в разные периоды исторического времени, показывают, что лексические единицы со временем меняли свою форму выражения. Это касается не только азербайджанского языка, но и многих других литературных языков. В итоге слова, которые претерпели различные фонетические изменения, можно сгруппировать в качестве «фонетических архаизмов». Эти слова, которые используются и в нашем современном литературном языке в различных звуковых структурах (в том числе в диалектах), сохраняют свои первоначальные формы и в других тюркских языках. Эти фонетические архаизмы, используемые в языке Нишати, можно сгруппировать следующим образом:

Прибавление звуков (протеза и эпентеза). В современном азербайджанском литературном языке феномен протезы означает усиление звука в начале слова (*stəkan-istəkan, stul-ustul, alov-yalov* и т. д.). Подобное явление считается характерным для диалектов, а не для литературного языка. Как известно, эпентеза – это наращивание звука в середине слова и может проявляться как в письменной форме (добавление *n, y, s* в словах, заканчивающихся гласной и суффиксом, начинающимися с гласной), так и в произношении (*şair [şayır], dövr [dövür]* и т. д.). Встречаются некоторые слова из словарного состава «Шухаданаме» в нашем современном языке, но в основном в качестве гласного: «*Ev iyəsini yüz min zarlıg ilən qisasə yetürəyim*» (Я отомщу хозяину через сотни тысяч повелений) [12, с. 187b], «*Bir xəncər ol həzrətün mübarək budinə urdı ki, sümüginədək yetdi*» (Он так вонзил кинжал в святое бедро хазрата, что клинок дошел до кости) [12, с. 144a], «*İxtiyarsız ayağı kilimün ucinə dəgüb ol işi aşi İmam Hüseyñ əleyhissələmun başinə tökdü*» (Невольно задев ногой конец ковра, он пролил еду на голову Имам Хусейна, да славится имя его) [12, с. 158a].

Выпадение звука (элизия). Выпадение одного из звуков в слове во время произношения называется, как известно, элизией. Когда к определенным словам добавляется суффикс, в дополнение к произношению в тексте также выпадает звук (*oğul-oğlu, isim-ismə, sirt-sirli* и т. д.), что считается формой фиксации элизии в письме. Есть образцы слов, где выпадение какого-либо звука в тексте не отражается, например, *əliəciq, istiot, dostluq, üstdə*, и так далее. В анализируемом письменном памятнике также можно повстречать слова, где выпадают звуки, причем они употребимы и сегодня: «*İmam Həsən ilə İmam Hüseyñ ərşün iki isirğasidürlər*» (Имам Хасан и Имам Хусейн являются двумя столпами небесного трона) [12, с. 157b], «*Yigit ilən qari, çirkin ilən ari, alim ilən cahil, aqil ilən qafil mələkəlütn qəbzəsində bərabərdürlər*» (Юноша и старик, уродец и красавец, ученый и невежественный, мудрый и незнающий равны перед властью ангела) [12, с. 77b], «*Doqquz yüz beş qırq beş yıl hicrətdən gedübdür*» (После переселения прошло девятьсот сорок пять лет) [12, с. 296b].

Смещение (метатеза). Взаимное смещение звуков в слове называется метатезой. Например, *kiprik-kiprik, köprü-köprü, torpaq-torpaq* и т. д. Это явление, характерное в основном для диалектов, возникло в процессе исторического развития, то есть форма, сложившаяся исторически, сегодня

подверглась изменениям. В «Шухаданаме» возможно проследить первоначальную форму ряда слов: «*Onuñ qesasını istərəm həzrət Rəsul Əsəd əleyhəsləlam çerlaq idəsən*» (Хочу, чтобы ты отомстил, разул Хазрата Расула Асада) [12, с. 21a], «*Bu dutsaqların çevrəsində iraq ol*» (Будь подальше от окружения этих заключенных) [12, с. 118a], «*Topraqım üstündən əyağın çəkməyüb ziyarətündən gəfel olmayasan*» (Пока ноги ходят по земле, соверши свой хадж) [12, с. 21a], «*Dedi ki, mən tanridən ilərү fərzəndümə ad qoymənəm*» (Он сказал, что не назовет своего ребенка раньше Бога) [12, с. 141a], «*Böyük qardaş ki, adı Məhəmməd idi, uyxudan oyandı və kiçi qardaşına kim, adı İbrahim idi, dedi*» (Старший брат, которого звали Мухаммед, он проснулся и сказал своему младшему брату, которого звали Ибрагим) [12, с. 191b].

Лабиялизация (признак губно-губного произношения): «*Məni çignindən indür ta bir neçə daş anun qaburğasına yetürəyim*» (Спусти меня с плеч, чтобы я бросил несколько камней в его ребра) [12, с. 13a].

Делабиялизация (выпадение лабиялизации): «*Ata oğlını yerə qoydı*» (Отец положил сына на землю) [12, с. 13a]. Хады Мирзаде считает это одним из свойств разговорной речи [8, с. 28]. Проф. Эльбрус Азизов утверждает, что, наряду с традициями тюркской письменности, это связано с особенностями табризского и ширванского диалектов языка [5, с. 143]. Лингвисты, которые изучали переводческую деятельность Нишати, отмечают, что здесь проявились особенности южного диалекта, в особенности, тебризского. Рассмотрим некоторые примеры: смена *E* на *i*: «*Eu tanrının xəlili bitün yir mənüm hökmündür ecəzət vir ta yerə deyim ta tətam nəmrudiləri gömdürsün*» (О, любимец Всевышнего, вся земля есть мое повеление, повели и выполняю все твои предначертания) [12, с. 16a]. Замена *A* на *ə* (в начале, середине и конце слова): «*Yəqub bir yandən əğlar idi və Yusef bir yandən yaş tökər idi*» «Иаков рыдал с одной стороны, а Иосиф проливал слезы – с другой» [12, с. 27a].

В кратком словаре, включенном в монографию проф. Магеррама Мамедли о тебризских диалектах, есть много лексических единиц, соответствующих языку Нишати – это, к примеру, *dirilix, gədiş, taça, suç, çapaх* и т. д. [7, с. 203]. В дополнение к вышеупомянутым фонетическим событиям перевод Нишати включает звуковые замены в соответствии с языковыми особенностями своего времени. Эти типы звуковых замен включают озвончение типа *k > g, q > ğ*, например, «*Mən ol kimsə*

dəgüləm ki, səndən ilə fərzəndlərümə ad qoyam» (Янеизтех, кто может назвать детей именем раньше тебя) [12, с. 141b], «Şahzadəni bir saru qundağa çulğayub götürdi» (Он завернул принца в желтую пеленку) [12, с. 140a], «Mən sənün qulluğun xatiri için evim ilə barxım tərک etmişəm» (Я оставил свой дом ради служения тебе) [12, с. 130b]. По словам исследователей, в ряде слов с первым звуком «h» параллельно использовались до XVIII века звук «q», а также q // x [15, с. 156; 8, с. 20]. Сегодня неопределенное местоимение, написанное как «hamı», в переводе Нишати имеет форму «gamu»: «Bunlar qamu ol şərt ilən ki, Kərbəlayə varub...» (Все это делается с условием, что Кербала будет сдана) [12, с. 215a]. Встречается также вариант r>l, например: «Gürəzmək sizləərə hiç nisbəti uoxdur» (Борьба не имеет к вам никакого отношения) [12, с. 323a].

Лексические особенности. Общий словарь средневековых поэтов и писателей турецкого происхождения (ari, bay, biliş, bitik/pitik, bul, busu, çəri, danuğ, duş, eyi, əkmək, ərkək, güz, ilət, qarındaş, qızıl (qırmızı), qonmaq (dayanmaq, mənzil olmaq), sayu, suç, tütün, us, ün, varmaq və s.) использовался в переводе Нишати. Наряду с этим здесь имеются слова тюркского происхождения, которые редко встречаются в художественных произведениях, написанных на родном языке, как до XVI века, так и после указанного периода, например: barx, dayzə, dünürlük (elçilik), qazuğ (dirək), qarçağay, qırğıl, qəytul (düşərgə), qonğay, öləng, sadaq (ox qabı), təvağçı/tavaqçı, ükək, yen (paltarın qolu), əməkdaş (süd qardaş), tip (qoşunun mərkəzi), dutəm, yeylək, yavux (yaxın), yəyağ (piyada), qonaqçı, qayırıcı, qız qardaş, tabin/tarın, geyəsi, maya (dişi dəvə), ükə (kiçik qardaş), şilan (böyük qonaqlıq), yavutmaq, qaçmaq (vurmaq), tuq (bayraq), yırlamaq (oxumaq), salı vermək (buraxmaq), bağırdəğ (beşik bağı).

Часть архаизации в языке Нишати – это семантическая архаизация. То есть определенная часть лексики остается со старой фонетико-морфологической структурой, но при этом имеет другое лексическое значение: Al (hiylə), duş (yuxu, göya), qalın (çoşlu), qatı (bərк, tünd), qayıрмаq (kədərlənmək), qızıl (qırmızı), yazı (çöl), yemiş (meyvə), qayıрмаq (kədərlənmək), qatlanmaq (dözmək), qonmaq (dayanmaq, mənzil olmaq), и т. д. Эти лексические единицы встречаются в большинстве письменных памятников. Кроме того, в словаре Нишати есть семантические архаизмы, которые редко используются в письменном литературном языке: Van – əzan. «Vançıya işarət eylədi ki, namaz banı versün» (Он подал знак азанчы, чтобы тот начал молитву)

[12, с. 325a]; çəngəl – qarmaq. «Düşmənlərin çəngalinə griftar olubəm» (Я пленен моими врагами) [12, с. 13a]; tip – qoşunun mərkəzi: «Düşmənin tipinə varub, sağə və sola taxəst eyləyüb» (Он врезался в гущу противника и стал биться направо и налево) [12, с. 224a].

Хотя синонимы являются небольшой группой в разделе лексикологии, потребность в синонимах и фразеологических сочетаниях в художественной литературе очевидна. Роль этой группы слов в выделении поэтических нюансов и увеличении богатства языка произведения незаменима. В работах, переведенных Нишати, синонимы даны в национальном и заимствованных лексических вариантах. И полученные слова, похоже, понятны для большинства. В этом отношении компоненты могут быть сгруппированы в соответствии с языком происхождения следующим образом:

1) синонимы тюркского происхождения с каждой стороны: а) duş-uuxu «Mən duş görmüşəm» (Я увидел сон) [12, с. 54b], «Yəhudanın uuxusu gəlməz idi» (Иегуда никак не мог заснуть) [12, с. 32a]; б) gənjəzmək-canğıtmaq «Qərəzsiz ol ta, sənünlən oturub, müşfiqlər kimi gənəşəlim» (Будь бескорыстным, чтобы я мог с тобой быть милосердным) [12, с. 167b], «Mənüm ilən evimədək gəl, ta qövm ilə qardaşumə canğıdayım» (Идем со мной до моего дома, чтобы я с моей родней дал совет брату) [12, с. 131b]. В указанном памятнике есть и именны́е формы указанных глаголов: «Əbu Talebün ivinə vardılar və gənəşini Əbu Talebə didilər» (Они пошли в дом Абу Талыба и передали послание Абу Талыбу) [12, с. 119a], «Tədbirsiz və canğısız bu işə girmək olmaz» (Без подготовки и осмысления к этому делу не подойти) [12, с. 215a]; в) yaxşı-yeg «Anun için kim, sən təkəri ari fərzəndi doğmuşəm, səncə yaxşı işləri yadgar qoymuşəm» (Я произвел тебя на свет для благих дел) [12, с. 54b], «Qessələrün yegü Yusef surəsi hər kim eşitdi olur xoş mümtəhən» (Все кто слышали прекрасную суру о Юсифе, были очарованы) [12, с. 25b]; г) yığlamaq – ağılamaq: «Yəqub çoq müddətdür kim ənun fəraqindən yığlar» (Иаков долгое время плакал за ним) [12, с. 41a], «Ol ağılamağ ke bu gün səndən ahir oldi» (Это плач, который стал стенанием) [12, с. 24b]; д) yarlığamaq-bağışlamaq: «Tanrı səni yarlığamasun» (Да не простит тебя Всевышний) [12, с. 336b], «Suçların bağışlıyə tanrı» (Всевышний, прощающий подстрекателей) [12, с. 24b]; е) könül-yürək: «Atalıq mehri hərəkətə gəlib, İbrahimün könlü sevindi» (Отеческое сердце взграло, и душа Ибрагима возрадовалась) [12, с. 17a];

2) в одной из сторон, участников перевода, синонимы – заимствованные: а) *sənnət-uçmaq*: «*Sənnün memarlığı ilə imarət bulmuş ola, sənnətdə qəslər bizim için düzülə*» (Если ты своим архитектурным талантом воздвигаешь дворцы, то в раю тебе положены замки) [12, с. 260b], «*Allah-təala onı hur uçmağdən həzrət Məhəmmədəün hicrəsinə göndərdi*» (Всевышний вознес его к лику Хазрата Мухаммеда) [12, с. 94b]; б) *çəri-ləşkər*: «*Ol çəri ki, içəridə idilər, sıxub Məhəmməd Kəşirün ləşkəri ilə uğraşdılar*» (Тот отряд, что был внутри, бросили на подмогу армии Мухаммеда Кашира) [12, с. 180a], б) *fərzənd-oğul*: «*Mən ol kimsə degüləm ki, səndən ilərü fərzəndlərümə ad qoyam*» (Я нез тех и, кто именует своих детей раньше вас) [12, с. 140b], «*Murtəza oğlini İmam Hüseyn ki, anun kimi görmədi*» (Имам Хуссейн не видел сына Муртазы, как и он сам) [12, с. 156a].

В «Шухаданаме» были разработаны как фразеологические сочетания, принадлежащие современному литературному языку, так и фиксированные словосочетания, образованные в переводе с персидского языка в виде кальки. Акад. Мохсун Нагисойлу подробно рассматривал эти фразеологические единицы, которые были переведены Нишати в качестве кальки [9, с. 112–120]. И в других письменных памятниках найдены фразеологические сочетания и архаизмы, например: «*Ani mənüm biətümə razi eyləyüb əldən qoyəsən*» (Уговори его моими словами) [12, с.160a], «*Çox müddətdür ke, ol sayru düşübdür*» (Вот уже долгое время он болеет) [12, с. 176b], «*Məşkur tanrının rizasi için ol iki məzlumi zindandan qoya verdi*» (По повелению всемогущего Всевышнего он выпустил двух заключенных из тюрьмы) [12, с. 190b], «*Öz evini əna salıq verdi*» (Свой дом показал ему) [12, с. 176a], «*Yezid bu sözdən qəzəbə varub, dedi: Ey Yəhuda tək dur!*» (Езид разгневался после этих слов и сказал: Иегуда, будь благоразумным!) [12, с. 321b], «*İbn Ziyadun evinə saru yüz qoydi*» (Он направился в сторону дома Ибн Зияда) [12, с. 195b], «*Bu qədr xidmətdən sonrə ki, bizə eyləyübdür məndən ötrü şərməndəlik ana yüz urə*» (После такой услуги, которую он нам оказал, я не могу ему ни в чем отказать) [12, с. 146a].

Как известно, процесс словообразования в нашем современном литературном языке не является новым явлением, его корни уходят в древние и средневековые времена. Хотя существуют разные классификации, считается, что словообразование происходит двумя приемлемыми способами: морфологически и синтаксически. В этом случае суффикс считается уста-

ревшим, только к которому он относится. Этих исключений достаточно в работе Нишати.

Хотя некоторые лексические суффиксы в нашем языке сохраняют свою функцию, некоторые из создаваемых ими слов могут стать архаичными. В этом случае суффикс считается устаревшим, только в слове, где он был использован. Этих исключений достаточно в работе Нишати: *-çi, -çi* (присоединительный суффикс) «*Yezid ayağə qalxub bançıya ban urdi kim*» (Езид поднялся и сказал азанчы) [12, с. 328b], «*Tarınuç təqdərindən gəcərci yolu azdı*» (По повелению судьбы проводник заблудился) [12, с. 172b], «*Ol Şam ləşgərinün təvağçısı idi*» (Он возглавлял войско из Шама) [12, с.270a]; *-daş*: «*Bir yetim sizün olmağınız yetimlərinədən, yoxsə əməkdaşlərinizdən*» (Сирота из сирот, или из братьев) [12, с. 59a], «*Adəm əleyhissəlam Habilün qarındaşı Qabilə verdi*» (Адам отдал Габилу, брату Абея) [12, с. 9a]; *-ici, -ici*: «*Ey yetimlərin qayucısı və ey biçarələrin əlləri dutucusı*» (О тот, кто поддерживает сирот и обездоленных) [12, с. 91a]; *-ix, iq, uq*: «*Çadırın degil qorarsun, qazuği bərkitməsün*» (Пусть не строит шатер, не укрепляет его устои) [12, с. 76a]; *-is, -is*: «*Ey cariyə, aya, sən yadmışən, yoxsə biliş?*» (Ты знаешь эту рабыню, или с ней незнаком?) [12, с. 190b]; *-liğ, -liğ, -lik*: «*Səhhətlik gedə və sayrılığ gələ*» (Уйдет здоровье и придет напасть) [12, с. 45b], «*Mənüm ilə bir atalığ elə*» (Опекай меня, как отец) [12, с. 168a], «*Bu cəgərgüşəñ Kərbəladə isiliğ saçında büryan olacaqdur*» (Этот ребенок твой сгорит в жару Кербела) [12, с. 79b].

Еще примеры: «*Məndən saru dəxi vəkil ol və dünürlük eylə*» (Будь моим поверенным и помоги мне) [12, с. 168a], «*Çün gözi İsmayılə yetdi, bir rüxsar gördi gül kibi açılmış və bir izar gördi iki həftəlik qəmər kimi görklik məşriqindən çıxmış*» (Он заметил Исмаила, который был как бутончик, и увидел его подобного прекрасной двухнедельной луне) [12, с. 17a]; *-la²* «*İmdi ey İmam Hüseyn mən səni ögütlərem*» (Сейчас, имам Гусейн, я тебя убью) [12, с. 215a], «*Əmma atan zəif və qocaləyübdür*» (Но отец твой старый и слабый) [12, с. 26a], «*Çün həq təala İsmayıl için qoyun göndərdi, İbrahim anı boğazladı*» (Всевышний послал Исмаилу барана, которую он зарезал как жертву Ибрагиму) [12, с. 23b]. Башир Ахмедов в «Этимологическом словаре» связывает происхождение слова «*boğaz*» (горло) со словом «*boğmaq*» (душить) [3, с. 49]. Суффикс *-az* является непроизводительным для формирования именного слова от глагола; *-lu, -lü*: «*Uslular deyübdürlər ke ol ke həzrət Əmir əl-Mömin qoydu*» (Мудрые люди сказали, что это

установил Хазрат Амируль-момин) [12, с. 118a], «Səndən ötrü mundən qayğulu olurdu» (Я очень беспокоился о тебе) [12, с. 75b], «Qırq bustani var idi, vari yemişli ağaclar içində tikilü» (Был сад из сорока сортов плодов, все устроено внутри них) [12, с. 45b], «Andan ötrü meydana vardum və qardaşımı qanlusı öldürdüm» (На поле битвы я уничтожил врага моего брата) [12, с. 263a]; -a, -e: «Tanrı səni yarlıgamasun» (Да не простит тебя Бог) [12, с. 336a]; -sı^z: «Pəs kökdən tütünsiz bir ot enüb ol quzini yedi» (Вдруг от основания поднялось пламя без огня) [12, с. 10b].

Существуют как архаичные слова, так и архаичные суффиксы. В отличие от слов, которые больше не используются в языке, лексические суффиксы могут оставаться в застывшей форме слова, даже если они, присоединяясь к слову, теряют функцию создания определенных оттенков значения. Слова *üzük, dovşan, sərin, yaxın, ürək, ilan, qurut*, даже если и считаются простыми, не образуются путем присоединения к корню словообразовательного суффикса. Есть и такие суффиксы, которые становятся архаизмом вместе с тем словом, в состав которого они входят. Бекир Чобанзаде подобные суффиксы называл «безжизненными», классифицировав их по трем типам, отнеся ко второму типу *dışarı, iləri, içəri* [2, с. 172].

В переводе Нишати же встречаются варианты *dışarı/dışaru*: «İmam Hüseynün xidmətindən dışarı çıxub öz qəyutlinə qayıtdı» (Имам Хусейн вышел из своего шатра и пошел в лагерь) [12, с. 205a]. Обратимся к другим примерам: -*kək* «Filan ərkək ya filan dişə əhli-beytün məhəbbətindən ötrü damu odundan azaddur» (И женщины, и мужчины, благодаря своему благочестию и вере в Пророка, попадут в рай) [12, с. 103b]; -*qır/xır*: «Məhəmməd Kəşir ani hauxırdı ke, ey Zeyad oğli nə köklərsən» (Мухаммед Кашир воскликнул: эй, сын Зейяда, что ты возишься?) [12, с. 179b]; -*xı*: «Uxudan oyanub adam göndərdi» (Проснувшись, он направил человека) [12, с. 329a]. Отметим, что в произведении, которое переводил Нишати, использована форма «*уху*», в нашем языке же созданная подобным же образом языковая единица есть слово «*іх*». «*іх*» было создано путем присоединения суффикса -*х* к глаголу *ilmək* [3, с. 130]; -*ət*: «Bir dutəm arux buğda götürdi» (Взял скудную горсть овса) [12, с. 10b]; -*asi*: «İmam Hüseynün qanə bulaşmış geyəsilerin baxəram könlüm xərab olur» (При виде испачканной кровью одежды имама Хусейна ему стало плохо) [12, с. 49a]; -*leyin*: «Durlar ke səbahleyin fərzəndün fəraq dağı büryan könlünə qoymaq gərəkmez» (Встают, чтобы утром

при виде горы сын не расстроился) [12, с. 20a]; -*ət*: «Neman atı izini gördi ani gözədübdə ardından getdi» (Неман, увидя следы копыт, пошел вслед за ними) [12, с. 181a]; -*t*: «Bu tıfildən əlüni qısat» (Убери руки от этого ребенка) [12, с. 325a]; -*ğıl*: «Ol dəxi qarı idi və əmir Həmzə qırğıl idi» (Он был пожилым, а амир Гамза был среднего возраста) [12, с. 63b].

Существуют синтаксические способы образования слова, отличные от морфологических методов, последние делятся на две группы:

1) слитные: «Tanrı-təala bizi səñə göndərübdür və səñün qızqardaşlarıuz» (Всевышний послал нам тебя и твоих сестер) [93a], «Kimsə uox idi mənüm tək heç dünəgün» (Никого не было, вплоть до вчерашнего дня) [12, с. 155a]; 2) С дефисом: «Onuñ ilən aydın olur ol gəyətdə kim dürlü-dürlü möhnətə mübtəla olan aref» (С ним все стало ясно, это мудрец, который трудится день и ночь) [12, 16b], «Səni buğun-buğun eyliyəcəgəm» (Я разорву тебя на клочья) [12, с. 196b], «Astə-astə quyiniñ dibinə yetürüb bir böyük daş üstinə yatdurdı» (Осторожно спустился на дно колодца и уложил на большой камень) [12, с. 31a]. «Düşdə gördüm ki, bu yaban doptalu qandan bir dəñiz idi və mənüm Hüseynüm ol dəñizə düşüb əl-ayağ urar idi və heç kimsə anuñ ğurinə və fəryadinə yetməz idi» (В грезах увидел, что Хусейн тонет в большом море крови и никто не идет ему на помощь) [12, с. 212a].

Морфологические особенности. В работах Нишати соединительная частица «*ki*», являющаяся основным средством соединения сторон во всех типах сложноподчиненных предложений в азербайджанском языке, используется в следующих формах: а) *ki*: «Rəvayətdür ki İsmayil ələhsəlam bir gün ovdan qayıtmış idi» (В предании говорится, что однажды Исмаил алейхиссалам вернулся как-то с охоты) [12, с. 17a]; б) *kim*: «Noldu, ya Rəb, kim, bu gün arami-canum gəlmədi, Gıtdi canum təndən ol ruhi-rəvanum gəlmədi» (О, Всевышний, ведь сегодня я не получил успокоения души, я душу теряю, а возлюбленной все нет) [12, с. 32a]. Эта связка, которая широко используется в «Шухедатнаме» в форме «*ک*», также преобладает в оригинале произведения. Хади Мирзазаде отрицает мнение исследователей о том, что соединение «*ki*» является заимствованным из персидского языка: «тот факт, что данное соединение в тюркском языке является более древним и представлено более обширно, также подтверждает это мнение. В персидском же языке, в древних письменных источниках этого языка мы не встречаем азербайджанскую версию связки «*ki*» – то есть *kim*» [8, с. 231].

Следует отметить, что в персидском «ке» представлено в азербайджанском как *kim*, это – вопросительное местоимение. В нашем языке, который основан на персидской грамматике, развитие различных вариантов (*ke*, *ki*, *kim*) можно рассматривать как признак того, что данная языковая единица в языке еще не стабилизировалась. Хотя это и не вопросительное местоимение, его функция связки, очевидно, исходит от персидского языка. Кроме того, широко используются соединения *ilən/ilə* с корнем «*birlə*»: «*Gəl gir evə, heç çəkməgil ün birlə sədə*» (Заходи домой, нет ни звука, ни голоса) [12, с. 179b], «*Noldu ki, haman ki bizni gördün Fəryad ilə ahü nalə çəkdün*» (Что же случилось, как нас увидел, так стал причитать и вздыхать) [12, с. 187a]. Сегодня «*ilə*» может использоваться и как как связка, и как послелог, а его первоначальная форма использовалась как дополнение: «*Yəqub surətinə ana görsədəyim, ta bir saat anun ilən təsəlli və təskin tapə*» (Как только Ягуб показался матери, так нашел в ней утешение и помощь) [12, с. 31a], «*İmam Hüseyn əleyhissəlam Mədinə məhəllələrində uşağlar ilə oynar idi*» (Имам Хусейн алахиссалам играл с детьми на улицах Медины) [12, с. 78a].

Первое лицо единственное число повелительной формы: «*Məni çignindən endür ta, bir neçə daş anun quburğasına yetürəyim*» (Спусти с плеч своих, я брошу несколько камней ему в грудь) [12, с. 13a], «*Yusif yergə urdılar ki, sənün gövdən yükünü xasanədək çəkəlim və günilik şərbəti xasanədək içəlim*» (Юсифа бросили на землю, сказав, до каких пор бы будем о тебе заботиться и тебе завидовать?) [12, с. 28a]. Второе лицо единственное число повелительной формы: «*Getməgə əzm eylədüñ, canum vida etdi cəsəd, Ta tənümdə baqidür, can, getməgil, ey can, otur*» (Но как же, Всевышний, сегодня я не получил утешение для души, и душу я теряю, а возлюбленная так и не пришла) [12, с. 17b]. Наряду с этим окончания первого лица множественного числа в соответствии с законом гармонии принимаются в виде *-uz*, *-üz*: «*Bizim müddəamiz oldur ke sənün boğazundən qan axıtdurauz, yoq ke, boğazuña su tökəüz*» (Мы не собираемся пролить кровь из твоего горла, мы ходим в горло твое влить воды) [12, с. 29a]. Данное явление характерно для южного диалекта нашего языка [9, с. 49]. Использование окончания «*sağır nın*» в винительном и родительном падежах, а также в окончаниях притяжательных местоимений: «*Nəzrət Xəlil onun yolu üstündə durmuş idi*» (Хазрат Халил стоял на его

пути) [12, с. 17a], «*Ey oğul, əgər bu gecə yazıda qalub atağə qayıtmayasən*» (О сын мой, останешься снаружи и не вернешься) [12, с. 26a], «*Bu suyu nişün tökdüñ*» (Почему вы пролили эту воду?) [12, с. 29a], «*Ey qızum, köñlinə təsəlli ver ki, mən sənün atağ olacağam*» (О дочь, утешься тем, что я стану твоим отцом) [12, с. 205b].

Синтаксические особенности. В языке Нишати персидские суффиксы почти не существуют, а словосочетания выражаются определенными словосочетаниями, принадлежащими нашему языку. Что касается структуры предложения, то есть случаи нарушения порядка слов, что свидетельствует о его близости к общепотребительному языку. Акад. Мохсун Нагисойлу объясняет причину этого тем, что «здесь часто встречаются структуры предложений, неприемлемые для письменного литературного языка, что можно объяснить очевидным влиянием живой устной народной речи и, в некотором смысле, синтаксиса персидского оригинала» [10, с. 15]. Гамид Араслы предположил, что язык перевода «Шухаданаме» Нишати близок к эпосу «Китаби-Деде Горгуд». Сравнивая синтаксис «Шухаданаме» и «Китаби-Деде Горгуд», Тофик Гаджиев констатировал превосходство этнического наречия в предложениях эпоса и связал его с периодом написания. Эпос «Китаби-Деде Горгуд» был определенно скопирован в XVI веке из другой, более старой версии. Если бы он был написан впервые в XV веке, он был бы по крайней мере отредактирован также, как и язык «Шухаданаме» [6, с. 130]. Следует отметить, что «Шухаданаме» с точки зрения его близости к родному языку не отстает от литературных образцов того периода, и даже более понятен, чем «Хадикатус-суада» (Цветник счастья), написанный на ту же тему.

Выводы. Основная цель художников слова, пишущих на своем родном языке, – это прививать позитивные моральные качества, определенные чувства и эмоции читателям. Переводчик же при этом должен учитывать возможности каждого из языков, должен иметь высокий уровень научного знания грамматики языка, на который он переводит с оригинала. Глядя на язык перевода, можно сделать вывод, что Нишати имеет опыт в этой области. Вместе с этим в результате буквального перевода текст был искажен и изменен. Однако он здесь также использовал такие слова тюркского происхождения, привнес их в текст, которые редко использовались в других письменных памятниках.

Список літератури:

1. Араслы Г.М. Великий азербайджанский поэт Физули. Баку : Ушакгянджнешр, 1958. 310 с.
2. Чобанзаде Б.В. Избранные произведения. В пяти томах. Том IV. Баку : «Восток-Запад», 2007, 200 с.
3. Ахмедов Б.И. Этимологический словарь. Исследования, соображения. Баку : Алтун китаб, 2015. 287 с.
4. Ализаде С.В. О диграфах کن, используемых в азербайджанских рукописях. «Научные труды» Азербайджанского государственного университета. № 1-2. С. 171–176.
5. Азизов Е.И. Историческая диалектология азербайджанского языка. Баку : Наука и образование, 2016. 347 с.
6. Гаджиев Т.И. История азербайджанского литературного языка. Часть I. Баку : Наука, 2012. 476 с.
7. Мамедли М.А. Тебризский диалект азербайджанского языка. Баку : БГУ, 2007. 240 с.
8. Мирзаде Г.И. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку : Азербайджанский Университет, 1990. 374 с.
9. Нагисойлу М.З. Избранные произведения (в 2-х томах). Том II. Баку : Эльм, 2017. 652 с.
10. Нагисойлу М.З. Комментарий (тазкире) шейха Сафи. Баку : Нурлан, 2006. 932 с.
11. Нагиев М.З. О некоторых архаичных словах, употребляемых в «Шухаданаме». *Азерб. «Известия» Академии наук СССР, серия литературы, языка и искусства*. 1978. № 1. С. 61–67.
12. Нишати М.Х. Шухаданаме. Институт рукописей НАНА, код М-259.
13. Садыгов А. Язык переводческого памятника XVI века «Комментарий (тазкире) шейха Сафи» (лексика) : автореферат канд. дисс. филол. наук. Баку, 1972. 23 с.
14. Садыгова С.С. Архаические морфемы азербайджанского литературного языка (в сравнении с западно-азербайджанскими диалектами). Баку : АДПУ, 2018. 205 с.
15. Танриверди А.В. Историческая грамматика азербайджанского языка. Баку : Наука и образование, 2017. 538 с.
16. Заринезаде Х.Х. Азербайджанские слова в персидском языке. Баку : АзССР Е.А., 1962. 435 с.

Huseynova Ulker Elmar. LINGUISTIC SIGNIFICANCE OF THE TRANSLATION “SHUHADANAME” NISHATI

The translation of “Shukhadaname”, as a lexical monument, takes a special place in the enrichment of the Azerbaijani literary language. The study of its linguistic features is important when analyzing the history of the development of the Azerbaijani literary language at each specific stage. Translator Muhammad ibn Hussein Katib Nishati, familiar with all the subtleties of the Azerbaijani language and its means of expression, used classical forms of expressiveness of the language, as well as words and expressions of ordinary speech, various phrases, morphological and syntactic features to make the translation more perfect. The language of the manuscript contains both the features of the ancient Turkic languages and the features of the Azerbaijani spoken language. Their study is of great importance not only for the history of the Azerbaijani language, but also for the creation of a comparative historical grammar of the Turkic languages. The lexicon of translation identifies interesting aspects of the development of the vocabulary of the Azerbaijani language. A number of words used in this monument of the first half of the 16th century have undergone phonetic or semantic changes in terms of the modern language, or have been preserved in dialects and adverbs. Some of them are completely out of date. In this regard, the manuscript also helps to reveal some aspects of the development of the vocabulary of our language. In a word, the study of phonetic, grammatical and lexical features of “Shukhadaname” is of great importance for the study of the history of the Azerbaijani language.

Key words: translation literature of the 16th century, Nishati, “Shukhadaname”, lexical features.